

Раздел 3

## ИДЕИ, МИФЫ И ЛЮДИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

УДК 94(47).084.5

М. В. Брянцев

### ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР в 1920-е годы

Статья посвящена актуальной проблеме взаимоотношений личности и власти в условиях строительства социалистического общества в 1920-е годы. Автор показывает всю сложность восприятия населением идей социализма, транслируемых властями, и приходит к выводу о том, что значительная часть населения не верила в возможность построения социализма в такой отсталой – и экономически и политически – стране, как Советский Союз.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** представления, социализм, население, коммунисты, СССР, буржуазия, капитализм, новая экономическая политика, политика военного коммунизма.

Социализм как некая идеальная форма существования человечества в будущем являлся краеугольным камнем революционных потрясений 1917 года. Увлеченные тактическими вопросами и вопросами выживания большевики долгое время не пытались очертить контуры будущего социалистического общества и исходили из смутных представлений марксизма о социализме как одной из стадий будущей коммунистической формации.

В марксизме утвердилась мысль о том, что построение социализма в одной стране невозможно, и эту мысль, естественно, в той

или иной мере отстаивали русские марксисты вплоть до 1924 года. Однако крах «германского Октября» 1923 года заставил большевиков искать пути существования в условиях неопределенности перспектив мировой революции в капиталистическом окружении. Уже в ноябре 1924 года Сталин, опираясь на фразу Ленина, обретенную им в одной из статей 1915 года, заявил о своем выборе в пользу доктрины «социализма в одной стране» [1, с. 358–401]. Претендуя на роль теоретика марксизма-ленинизма, Сталин пошел дальше и сформулировал отрицательную программу, назвав ее «троцкистской теорией перманентной революции», придав ей совершенно иной, чем у Троцкого, характер и приписав последнему теорию, отрицающую возможность построения социализма в Советском Союзе. Дискуссия во многом носила схоластический характер, принципиальных разногласий между противниками не было, но длилась она вплоть до 1928 года [см.: 2].

Следует заметить, что изменение взглядов Сталина на построение социализма в отдельно взятой стране было замечено современниками, которые, видя противоречия в позиции Сталина, задавались вопросами, например, таким: «В книге “Ленин и ленинизм” Сталин говорит, что если в течение 10–15 лет в капиталистической стране не будет революции, – мы погибнем. Теперь его точка обратная. Чем это объяснить?» [3, ф. П-48, оп. 1, д. 52, л. 6 об.]. Для некоторых было важным услышать официальный ответ на вопрос: кто «выбросил» лозунг о возможности построения социализма в отдельно взятой стране – Ленин или Сталин? [см.: 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 96].

Другие, например коммунисты плужного цеха завода «Профинтерн» в Брянске на собрании партийной ячейки, возражая докладчику и ссылаясь на то, что «партия, когда шла в октябре на бой, то не ставила себе задачу построить социализм в одной стране», заявляли, что теория строительства социализма в одной стране была выдвинута только в последние годы в пику теории перманентной революции Троцкого [см.: 4, ф. П-1, оп. 1, д. 1684, л. 35]. Таким образом, у некоторой части населения, знакомого с основами марксистского учения, возникали сомнения в правильности той постановки вопроса о социализме, какую предложил Сталин. Все это – свидетельство того, что споры в верхах в той или иной интерпретации

доходили до низов и массы на свой лад толковали не только полемику верхов, но и демонстрировали свое понимание проблемы социализма. Как понимали социализм массы, каким им виделось будущее социализма в России? Эти и другие вопросы становились предметом размышлений, разговоров, слухов, имевших хождение среди населения СССР в 1920-е годы.

Специфика предложенной темы предопределила и источниковую базу исследования. Основным источником стали первичные «информационные» сводки – различного рода информационные материалы уездного и губернского уровня, политдонесения на уровне дивизий, сообщения о ходе обсуждения партсъездовских инициатив и решений, вопросы, задаваемые в ходе обсуждений различных государственных мероприятий. Понимая всю сложность информационного материала, о которой уже не раз говорилось в отечественной историографии [см.: 5, с. 31–76; 6; 7], следует все же отметить, что в работе использованы материалы региональных архивов, а не аналитически обработанные сводки ИНФО ОГПУ. Кроме того, сведения, почерпнутые в информационных сводках, дополнялись письмами «простых» людей во власть, роль которых высоко оценивается исследователями в деле изучения представлений и психозов, порождаемых противоречивой реальностью [см.: 8, с. 17] и материалами, связанными с «проработкой» вопросов в ходе обсуждения различных мероприятий власти.

Интерес к социалистическому будущему новое советское общество проявляло еще до официального провозглашения XV партийной конференцией курса на построение социализма в СССР. Разумеется, общего представления о социализме и возможности его построения в отдельно взятой стране не было: происхождение, образование, условия существования и многое другое определяло эти взгляды. До теоретических размышлений о социализме большинство населения не поднималось, оно исходило из тех реалий, в которых находилось. Приход к власти большевиков и гражданская война породили своеобразную форму существования Советского государства, получившую название военного коммунизма, в котором воплотились и теоретические представления большевиков, и реалии военного времени, и надежды на светлое будущее. Пережив

трудности гражданской войны, большинство населения и после ее окончания воспринимало социализм как мероприятия времен военного коммунизма. Введение новой экономической политики в 1921 году сломало этот стереотип, но не избавило от желания возвратиться к политике того времени немедленно, отрицая возможности нэпа.

Вполне очевидно, что наблюдаемые реалии новой экономической политики никак не вписывались в массовое представление о коммунизме. В откликах на XIV съезд партии слышалось негодование людей на обещания властей о строительстве социализма. В Калужской губернии один из крестьян сомневался в том, что нэп с его «безобразиями» в виде пьянства, картежной игры, разногласий среди рабочих и безработицей, и блатом и есть социализм [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 126, л. 191]. В прокламации, появившейся на столбах в г. Белом Смоленской губернии, высказывалось сомнение в построении социализма в России. Автор заявлял о том, что социализма «нам не ждать» и причиной этого был как раз нэп: «Вот как они приближают нас к социализму: учат молодежь покупать и продавать, любить деньги. Допустили к продаже вино – водку. Кооперацию направили на снабжение населения предметами роскоши, все это “временно”, в то время как для деревни нет пользы от многотысячной партии карьеристов – ВКП (б) сваливает с себя всю хоз[яйственную] экономическую работу на плечи беспартийных, показывая этим то, что партия ВКП(б), как вредный нарост, никому не нужна с тех пор, как нахальство стало ее лозунгом». Автор/авторы прокламации выставляли счет советской власти, которая, обременяя крестьян всевозможными поборами, тратит деньги, эксплуатирует рабочих, подавляя всякую инициативу. Заканчивается листовка призывом: «Ленинизм ведет к нищете. Долой Ленинизм! ДОЛОЙ НАЛОГИ!» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 180].

Ветеринарный фельдшер г. Речицы Гомельской губернии Андриянцев, выражая неверие в построение социализма в СССР, говорил, что «... в 1918–1919 гг. было видно больше социализма, например, крестьяне луга косили бесплатно, делили помещичью землю, зарплата по предприятиям и учреждениям была почти одинаковая». Мероприятия же периода нэпа он явно не относил к социа-

листическим, отмечая негативное отношение к тому, что «теперь за сенокосы взимают плату не меньше, чем при помещиках, комиссары и другие партийные работники разъезжают на автомобилях, получают большое жалованье, а рабочие и рядовые служащие как жили нищими, так и живут». Социализм – это только обещания, похожие на те, которые давали и попы, обещая царство небесное [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 496].

Сомнения в том, что власть имущие хотят социализма, были присущи различным слоям советского общества. Так, один из крестьян Воронежской губернии в письме 1926 года в «Крестьянскую газету» обратился с просьбой опубликовать статью, разъясняющую, «какой порядок будет существовать при социализме». Ссылаясь на мнение односельчан, он обозначил проблему, волновавшую крестьян в деле построения социализма. Понимая социализм как общество социального равенства, как безденежное общество, крестьяне не верили в скорый его приход. Причину этого они видели в том, что находящиеся у власти, получая большое жалованье, не заинтересованы в строительстве социализма. О незаинтересованности правящих в строительстве социализма писал крестьянин из Курской области [см.: 12, с. 205, 213].

Рассуждения о социализме были характерны и для красноармейцев, особенно партийцев. В частности, информаторы из Западного военного округа (ЗапВО) отмечали, что «среди части слабо развитых партийцев и комсомольцев и сейчас (в 1926 г. – М. Б.) еще остаются неясными вопросы: возможность строительства социализма в нашей стране, характер нашей промышленности, необходимость союза с середняком» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1516, л. 1]. Однако несмотря на ссылку об отсталости слушателей, вполне очевидно, что для огромной массы населения оказывалась непонятной уступка большевиков частному капиталу в виде нэпа. Даже для людей старой культуры переход к нэпу казался катастрофой, отмечает современный исследователь [см.: 8, с. 22].

Недовольство нэпом проявляли представители различных слоев населения, различных политических взглядов, возрастов. В частности, в Юхновском уезде Калужской области в листовке, наклеенной на стене избы-читальни, молодежь призывалась идти к социализму

через комсомол, обладающий программой [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 126, л. 440]. Появление такого обращения, вероятно, является свидетельством недоверия молодого поколения, поверившего в социализм, старой большевистской гвардии в деле строительства нового общества.

Таким образом, новая экономическая политика и идея социализма не укладывались в сознании многих. Для огромной массы населения мероприятия периода военного коммунизма оказывались понятнее и ближе, тем более что эти представления подпитывались идеями некоторых руководителей РКП(б), тяготевших к политике военного коммунизма [см.: 13, с. 194–195].

Разочарование в новой экономической политике порождало не только недоверие к мероприятиям, проводимым властью, но и подводило многих к мысли об эфемерности самой идеи социализма. В частности, в ноябре 1926 года в Ржевском уезде Тверской губернии на районном собрании один из выступавших заявил: «Социализм – это предрассудок и к нему мы никогда не подойдем». Он говорил о диктатуре пролетариата в крестьянской стране и предупреждал власти: «Крестьянство сколько не терпит, но этому терпению придет конец, и мы повернем свои руки против наших угнетателей» [14, с. 871]. Другой представитель крестьянства, учитель Н. И. Лелянов из пос. Дубровка Брянской губернии в сентябре 1925 года на конференции учителей, в беседе перед официальными занятиями, говорил собравшимся, что построение коммунистического общества возможно только при условии, если у развитого человека «вынуть часть мозга для уравнивания его с остальными людьми или у физически развитого человека отрезать часть тела» [4, ф. Р-271, оп. 2, д. 661, л. 2, 5–5 об.].

С ним был солидарен машинист Горбунов, который 9 июня 1927 года на ст. Темкино Сызрань-Вяземской ж. д., касаясь построения социализма, обозначил его как утопию «дураков, и проводить его можно только с Вашими бараньими головами, нам раньше попы обещали царство небесное, а теперь коммунисты обещают рай на земле, но 10 лет никак не устроят» [9, ф. П-1, оп. 10, д. 126, л. 160]. Такими доводами часть населения Советской России отрицала саму возможность строительства такого общества, как социализм. Другие же задавались вопросом: «да нужен ли социализм, что обеща-

ют коммунисты». Один из крестьян на Смоленском уездном съезде Советов в 1926 году заявил: «Мне кажется, кто разумен да старателен, тот и теперь, и при социализме будет жить хорошо, а кто глуп да ленив, тот при социализме и при коммунизме все равно будет жить плохо, везде будет последним, видно сам от себя не убежишь никуда... лучше всего быть самому хозяином, что заробил, то и съел» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2711, л. 173; д. 3214, л. 112].

Аргументом, направленным против возможности построения коммунистического общества, довольно часто являлось мнение о наличии в СССР капиталистической промышленности. Особенно характерным это было для той части рабочих, которые ранее состояли в политических партиях и были теоретически более подготовленными, чем основная масса. В частности, этот взгляд высказывали бывшие меньшевики предприятий г. Гомеля: на щетинной фабрике «Красный Октябрь» и кожевенном заводе «Пролетарский путь». Так, бывший меньшевик, рабочий завода «Пролетарский путь» Гиндин и рабочие этого же завода Боданис и Дубов говорили, что оппозиция в вопросе о госкапитализме была права, что рабочим сейчас живется не лучше, чем в старое время, что они эксплуатируются так же, как при хозяине, что свобода слова отсутствует, если «что-либо скажешь и слова твои кому-нибудь не понравятся, то тебе закроют рот» [11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 52].

О наличии капиталистической промышленности или хотя бы ее элементов говорили слушатели школы II ступени 6-го полка 37-й стрелковой дивизии [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 2710 а, л. 108 об.]. Такое мнение встречалось среди рабочих, крестьян, партийных и беспартийных. Оно стало общим местом в сознании многих граждан Советского Союза.

Население отмечало среди признаков капитализма наличие эксплуатации в СССР. Так, рабочие Зубовской фабрики в Клинцах не согласны были работать «на чью наживу», заявляя, что в 1917 году большевики обманули их, сохранив деление общества на классы – только теперь места капиталистов заняли партийные руководители, которые стараются «избавиться от войны и к социализму они итти не хотят, потому что ему хорошо жить, а про нас не думают». Это подводило их к мысли о необходимости второй революции,

к которой нужно привлечь рабочих, но только не идеей социализма – «тот, кто много получает, не захочет пойти с нами жить на одну точку» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 107].

Во всяком случае, многие рабочие признавали, что, несмотря на введение 8-часового рабочего дня, им приходится работать больше, чем в дореволюционное время [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 44]. Все разъяснения о прибыли, идущей на общественные нужды, вряд ли кого успокаивали. Обсуждение решений ноябрьского Пленума ЦК 1928 года в ячейках типографии ГСНХ (Губернского Совета народного хозяйства. – М. Б.) и фабрики «Игла» в Брянске показало, что многие рабочие, доведенные до крайней нужды, не то что не верили в возможность построения социализма, а просто мечтали о нормальной жизни сейчас, а не в далеком будущем, возмущаясь тем, что хлеба нет, подошву «по книжкам дают». Так, работница фабрики «Игла» Неймарк открыто заявила: «Идеалы, социализм, коммунизм – для меня второстепенное, главное быть сытым»; «Для кого мы боролись? Для себя или для детей? Какой же интерес для детей? Социализм – это второй рай на земле. Мы говорим: дайте нам пожить здесь, на земле, а то как буржуй обещал – в раю жизнь». Реалии жизни заставляли их не верить в обещания власти о строительстве коммунизма.

Экономические проблемы СССР, низкий уровень жизни заставляли людей сомневаться не только в построении социализма, но и в том, что мы догоним капиталистические государства, опасаясь, что «эта догонка отразится еще на бюджете рабочего». Рабочие негодовали, что фабрики и заводы строить научились, а про рабочего забыли: «мы голодны, разуты», – говорили они [4, ф. П-1, оп. 1, д. 2311, л. 13].

Низкая оплата труда и ослабление советского рубля подвели их к мысли о необходимости более справедливого распределения прибылей предприятий в пользу рабочих. При обсуждении материалов дискуссии на XIV партсъезде на Зубовской шпигатной фабрике имени Троцкого в клубе на вечере вопросов и ответов токарь фабрики Кузьмиченко задал вопрос: «Какая у нас власть и есть ли у нас социализм» и, получив ответ на этот вопрос, спрашивал, почему рабочим не выдают прибыли, а эта прибыль идет тресту, почему рабочие за границей, в капиталистических государствах, получают прожиточный минимум и имеют еще кое-какие сбереже-



ния? В конце своих вопросов Кузьмиченко сделал вывод, что советская власть не социалистическая, а капиталистическая [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 154].

Для рабочих очевидным являлось то, что социализм, социалистическая промышленность – это равенство и оплата труда выше, чем при капитализме, а иначе зачем было совершать революцию. Задаваясь экономическими вопросами, рабочие пытались идентифицировать советскую промышленность – есть ли на государственных предприятиях прибыль и является ли она признаком капитализма: «6. Почему нет социалистичности на фабриках. 7. К чему причислить концессии и аренду» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3199, л. 51]. Другие ставили вопрос о разнице между прибавочной стоимостью на социалистическом и частном предприятии [см.: 9, ф. П-1, оп. 9, д. 40, л. 41].

Отношение к советской действительности как обществу, где нет никакого социализма, процветают капитализм и эксплуатация, выражал сотрудник Смоленского уездного финансового отдела (УФО) В. П. Гондедоров [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 28].

Уверенность в наличии капиталистической эксплуатации в советском обществе проникла и в партийные массы. На общем собрании поселковых ячеек Навли Брянской губернии в начале февраля 1926 года некоторые выступавшие с обидой говорили о неравенстве, «зажимании ртов», командовании, а двое коммунистов уже после собрания говорили неофициально с агитатором, убеждая его в том, что «у нас есть эксплуатация и все госкапиталистическое» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1378, л. 170].

Мнение о наличии эксплуатации в СССР подкреплялось речами «новой оппозиции», которая говорила о госпредприятиях как о капиталистических. Рост кулачества в деревне и его влияния на крестьян подтверждал правильность оппозиции, оценивавшей ситуацию как захлестывание мелкобуржуазной стихии. Все это, наряду с бюрократизацией правления, ничего общего с социализмом не имело. Такой взгляд особенно остро обозначился в ходе кампании по проработке решений июльского расширенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 1926 года [см.: 4, ф. П-1, оп. 1, д. 1409, л. 339] и получил большую популярность среди различных слоев населения.

В ходе многочисленных мероприятий по популяризации решений Пленума обнаружилось, что население воспринимало партийцев как новую буржуазию. Об этом прямо говорил перед односельчанами житель д. Холмовой Вяземского уезда Смоленской губернии Романов Иван, отмечая, что в СССР возрождаются капитализм и новая буржуазия, «которая и начинает эксплуатировать безработных». Он отмечал, что от завоеваний Октября остались только профсоюзы, общество разделилось на партийцев, которые получают все, и остальных, среди которых много безработных, находящихся на грани выживания. Таким путем, по мнению крестьянина, «мы никогда не придем к социализму» [10, ф. 3, оп. 1, д. 3214, л. 180].

Поляризация советского общества, где «у верхов власти сидят совершенно чужие рабочему классу люди, сумевшие примазаться к рабочим и обманувшие их доверие» и объединившиеся в компартию, «которая ворочает всеми делами государства, а рабочие стоят в стороне», вызывала не только неприятие коммунистического правления, но и ненависть, желание расправиться с ним. Такого рода речи оказывали заметное влияние на рабочих, как отмечали составители информационных сводок [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2932, л. 3, 801, 713].

Восприятие правящих коммунистов как чуждого интересам народа слоя находило отражение в ассоциации их с дворянством, которое было так памятно для многих. Эту мысль высказывал житель с. Тростани Новозыбковского уезда Гомельской губернии М. Агрощенко, заявивший, «что члены ВКП и члены профсоюза – те же дворяне, что были раньше, что коммунисты над беспартийными ставят свой контроль, что коммунисты руководят страной и расхищают государственные деньги, что правителем государства должно быть крестьянство». Об этом же говорил крестьянин с. Старые Юрковичи Чуровичской волости того же уезда Качуро на перевыборном собрании [см.: Там же, д. 1938, л. 120, 160]. О том, что коммунисты стали «новыми дворянами», сидящими у власти и защищающими «только свой карман», занимающими «все ответственные посты» и пользующиеся «земными благами», а «простые рабочие и крестьяне, отстоявшие революцию своей кровью, ничего не получили, кроме тех же цепей рабства», – заявлял рабочий Стодольской сукон-

ной фабрики имени Ленина в Клинцах Массоков, имевший большую популярность среди рабочих [см.: 11, ф. 1, оп. 1, д. 2751, л. 3].

К населению приходило осознание того, что, несмотря на революцию, в России «вместо буржуазного класса» сформировался «новый класс коммунистов», который живет «лучше старых дворян, а крестьян держат в худшей кабале, чем при старом режиме. Говорят, что идут против капитала, а сами же капитал создают. Только им пользуется не крестьянство, а коммунисты». В результате тяжелых раздумий о своей доле крестьяне приходили к неутешительному для них умозаключению: «трудоустроенных коммунисты угнетают, говорили, что владыкой мира будет труд, а выходит, что владыкой является лодырь» [Там же, д. 2932, л. 598, 682–683, 670–671].

Таким образом, в среде рабочих и крестьян складывалось твердое убеждение в том, что советская власть породила новый класс эксплуататоров: для одних это была новая буржуазия, для других – новое дворянство, но суть от этого не менялась – коммунисты захватили власть и эксплуатируют трудящееся население.

Некоторая часть крестьянства видела эксплуататоров в пролетариате. В частности, выходец из крестьян учитель Н. И. Леянов полагал, что эксплуатацию в СССР осуществляет пролетариат, который живет за счет других «сословий, а эти другие сословия находятся в самых нечеловеческих условиях, и крестьянству нет настоящей свободы». Он говорил, что «рабочий весьма избалован и живет за счет крестьянина», а выдвигенцы же из крестьян – это только прикрытие, они не имеют самостоятельности, и ими командует Компартия, «крестьянам необходимо иметь свой крестьянский союз, как за границей» [4, ф. Р-271, оп. 2, д. 661, л. 2]. Ему вторил красноармеец из крестьян-середняков Данилов, заявлявший: «Рабочие эксплуатируют крестьян. В колхозы идут лодыри, а в совхозах воровство. Были рабами и остались ими. На костях крестьян строят социализм» [11, ф. 3, оп. 1, д. 496, л. 208].

Ревность к рабочим отмечалась повсеместно среди различных групп крестьянства. Задавленные тяжестью налогов, крестьяне готовы были обвинять всех, не сообразуясь с действительностью и перенося свой гнев не только на коммунистов, но и на рабочих, которые якобы «захватили власть, хорошо себя материально обеспечили,

а своих обещаний крестьянам об улучшении их жизни и о передаче им земли не выполнили, и землю по-прежнему сдают в аренду». Некоторые полагали, что «Соввласть нам не дает жить, ей нет никакого дела до нас, она стремится лишь к тому, чтобы пополнить свои проехи в государственном бюджете и оплачивает все остальные группы населения за счет крестьянства» [11, ф. 1, оп. 1, д. 1938, л. 110, 153].

Но характерно, что в то же время и сами рабочие приходили к аналогичным выводам в отношении советской власти. Так, рабочие спичечной фабрики «Волна революции» в г. Новозыбкове были убеждены, что коммунисты проповедуют социализм в силу своего привилегированного положения, которое позволяет им получать высокие оклады и быть материально обеспеченными: «если всех коммунистов посадить на рабочий паек, то они запели бы совсем иное» [Там же, д. 2932, л. 154, 292, 407].

Среди рабочей массы особенно актуальным вопрос о построении социализма в СССР стал в ходе проработки и изучения решений XV Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1926 года. Авторы отчета о проведенной идеологически-воспитательной работе отмечали: «Более всего собрания интересовались вопросом “о возможности построения социализма в нашей стране”. Так, в машино-сборочном цеху бежицкого завода “Профинтерн” один из выступавших (якобы анархист) заявил, “что, конечно, как будто решения партии верны, но вот скажите, когда же мы хотя вступим одной ногой в социализм, к которому мы стремимся?”» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1684, л. 34, 166]. В плужном цеху на собрании партийной ячейки прозвучало сомнение в возможности построения социализма без мировой революции, «без денежной валюты и без штыков». В итоге оратор заявил: «Мы социализм полностью построим, но назвать его социализмом нельзя, если он будет в одной стране» [Там же, л. 35]. Очевидно, что вопрос о социализме был весьма актуальным для части населения страны, которое, опираясь на опыт его строительства, выражало сомнения в возможности его построения, допуская, что система, формируемая в СССР, никоим образом не является социалистической.

Важным приемом снижения напряжения в обществе и создания единства мнений в отношении СССР как социалистического го-

сударства стало противопоставление СССР и западного мира. В ходе пропагандистских мероприятий властям удалось выработать в сознании населения образ СССР как государства, проводящего миролюбивую политику в противопоставлении с агрессивностью Запада. Гражданам транслировалось то, что на протяжении десяти лет удалось закрепить власть трудящихся, несмотря на «устраиваемые капиталистами Запада козни против Советского Союза». Главным оружием в противостоянии с Западом должна была стать сплоченность «вокруг ВКП, под ее руководством» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 145].

Создававшийся образ врага, стремящегося помешать строительству новой жизни/социализму, был понятен для основной массы населения, а потому оказывался эффективным приемом в достижении поставленных властью целей. Пропагандистскими мероприятиями властям удалось породить у населения возмущение милитаристскими намерениями буржуазных государств и готовность дать решительный отпор всяким проискам врагов советской власти. Крестьяне Брянской губернии говорили на собраниях: «Долго ли нас буржуазия будет мучить и бить, надо дать решительный отпор». Но насколько крестьяне были готовы жертвовать для защиты «социалистического отечества», сказать трудно, и если одни предъявляли требования к правительству «больше готовить оружия и создавать запасные полки», то другие заявляли о готовности отправиться в поход против буржуазного мира «по зову правительства». Эта агрессивная часть населения, опираясь на опыт гражданской войны, когда все «бандиты, до сих пор нападавшие на нас, были нами изгнаны и разбиты», призывала не «бояться войны» [Там же, л. 131].

Таким образом, условием воплощения планов строительства социализма являлось невмешательство иностранных государств в дела СССР. Вместе с тем советское руководство постоянно внушало населению мысль о том, что «...война между капиталистическим миром и миром строящегося социализма неизбежна, соперничество этих двух, в корне противоположных систем неизбежно должно привести к решительным столкновениям между ними. Война между СССР и капиталистическим миром весьма вероятна в ближайшие годы» [3, ф. П-1, оп. 1, д. 1732, л. 21–22 об.]. Пропаган-

да неотвратимости столкновения с капиталистическим миром порождала не только ситуацию ожидания, но и формировала милитаристские настроения среди населения СССР. Весной 1925 года в чайной пос. Дугино, Калужского уезда слышались такого рода рассуждения: «Раньше все было хорошо, а теперь хотят какого-то социализма, который никогда не осуществится. Нам не социализм нужен, а нужно втрое больше крепостей и заняться снова войной за отечество, которой мы найдем скорее богатств» [9, ф. П-1, оп. 8, д. 104, л. 98].

Вместе с тем создававшиеся образы врага и враждебного капиталистического окружения формировали в сознании населения не только нужные властям настроения, но и порождали сомнения в возможности построения социализма. Усвоившие азы марксизма партийцы 9-го полка 37-й Новочеркасской стрелковой дивизии говорили: «какой социализм, когда сохраняются армия, суд, которых мы упразднить не можем, находясь в капиталистическом окружении» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2710 а, л. 108 об.—109]. Такие сомнения были характерны и для коммунистов 6-й Орловской стрелковой дивизии и части «товарищей» Западного военного округа [см.: Там же, л. 108 об.; 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 95]. На Медынском уездном съезде Советов Калужской губернии в одном из заданных вопросов наряду с уверенностью в построении социализма в СССР было выражено и сомнение: «но может ли быть уничтожено государство, армия и все проч. и окончательно построить социализм в одной стране в капиталистическом окружении» [9, ф. П-1, оп. 9, д. 40, л. 38].

Обострение отношений с капиталистическим миром, и прежде всего с Англией, ставило вопрос об экономических возможностях СССР в строительстве социализма. У наиболее оптимистично настроенной части населения такая уверенность была. Более того, на Луганской районной беспартийной конференции Севского уезда раздавались голоса о том, что следует освободиться от экономической зависимости капиталистических стран и, проводя миролюбивую политику, укреплять обороноспособность страны, чтобы «в каждую минуту» быть готовыми «отразить натиск мировых вампиров». С этой целью следует «сплотить ряды ОСОавиахим и принять активное участие в его работе» и «откликнуться на призыв о постройке эскадрилии “Разрыв”» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1678, л. 132]. Думается, что сторон-

ников таких взглядов было не так много: даже в среде коммунистов присутствовали сомнения относительно возможности построения социализма в экономически отсталой стране. Так, среди партийцев Спас-Деменского уезда Калужской губернии ходили разговоры: «где уж нам построить социализм при нашей бедности, а что там спорят вожди, то для нас непонятно» [9, ф. П-1, оп. 10, д. 48, л. 92].

Понимание необходимости для построения социализма высококоразвитой экономики было очевидным. Один из крестьян летом 1925 года, оценивая негативно движение СССР к социализму, задавался вопросом: почему Германия за эти годы смогла решить вопрос безработицы, а рабоче-крестьянская власть нет [см.: 12, с. 203]. Как видно, для него преимущества социализма в СССР были не вполне очевидными. И таких скептиков оказывалось большое количество. Многие крестьяне подвергали сомнению саму возможность построения социализма в условиях изоляции, а потому и возникал вопрос: «Сможет ли СССР строить социализм без иностранных государств» [10, ф. 3, оп. 1, д. 2711, л. 172]. На Дорогобужском уездном съезде Советов среди множества вопросов, поставленных делегатами, был и такой: «Может ли Советский Союз существовать на протяжении десятков лет, если не будет революции в других странах, может ли быть осуществим социализм в одной стране, как Советский Союз, с его отсталой техникой...» [Там же, д. 3214, л. 126].

Существенным в строительстве социализма оказывался уровень развития общей культуры и образования. Так, один из выступавших на общеволостном собрании Болховской организации Орловской губернии 13 ноября 1927 года говорил: «Построение социалистического общества возможно тогда, когда все будут иметь высшее образование, у нас в школах наблюдается больше детей инженеров и проч., что является известной угрозой» [Там же, д. 1882, л. 69]. Подобное представление рождало сомнение в возможности построения социализма в такой отсталой стране, как СССР. По мнению многих, социализм, скорее всего, можно было построить в таких промышленно развитых странах, как США и Германия, где население более образованное и культурное, – «одним словом, трудолюбивых народах». В России же социалистическое строительство «не пройдет. Побьются, побьются, да и отложат его в сторону» [12, с. 209].

Для некоторых причиной невозможности построения «идеального коммунизма» являлся низкий морально-нравственный уровень строителей коммунизма. Еще в феврале 1924 года вольнослушатель III курса Тюнинского педтехникума Смоленской губернии коммунист И. С. Морозов в письме на имя А. Рыкова и Г. Зиновьева писал, что «коммунисты на местах испортились, все стараются пополнить карманишки, что всем беспартийным бросается в глаза» [10, ф. 3, оп. 1, д. 1942, л. 396 об.]. Общую негативную характеристику коммунистам на местах давали многие современники, подчеркивая трудность строительства социализма, особенно в деревне. Они отмечали, что «с партийными низами верхи не разговаривают, есть какой-то партактив, а почему бы мне не быть в партактиве как собрание выбирают, в Президиум – партактив, а низы не сажают» – «боятся провалят, не доверяют, в верхах сидят, разговаривают, а в низах слушают и голосуют» [3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 140].

Весьма критично воспринимали успехи в строительстве социализма красноармейцы ЗапВО, которые уже в 1928 году говорили о том, что «...никаких достижений в социалистическом строительстве нет. Это враки. Коммунисты сами разлагаются». Дополнялось все это критикой внутренней политики правительства и партии [см.: 10, ф. 3, оп. 1, д. 4053, л. 13]. В задаваемых на собраниях в момент проведения дискуссии на XIV партсъезде вопросах обнаружилось, что среди огромной массы населения распространено мнение о невозможности построения социализма в России [см.: Там же, д. 3214, л. 93].

Определенные опасения среди комсомольцев и партийцев вызывало и то, что по мере построения социализма в СССР будет утрачена перспектива мировой революции. Эта мысль волновала комсомольцев 37-й стрелковой дивизии, расположенной в Брянской губернии [см.: Там же, д. 2710 а, л. 108 об.]. В Смоленской губернии об этом говорил на партийном собрании военком 2-й гаубичной батареи 33-го артполка, заявивший, что «дело строительства социализма ускорится только при международной революции» [Там же, д. 3211, л. 35]. Такое мнение стало уже еретическим, партийная организация поспешила указать на неправильность этого выступления. Однако несмотря на партийное давление на сомневающихся, понимание тесной связи успехов в построении социализма в СССР



с мировой революцией имело распространение на протяжении 1920-х годов. Уже осенью 1927 года о наличии таких взглядов говорили некоторые партийцы из Должанской организации Ливенского уезда, коммунисты Дросковской волорганизации Малоархангельского уезда Орловской губернии при обсуждении тезисов к XV съезду РКП(б) [см.: 3, ф. П-1, оп. 1, д. 1882, л. 62, 75]. В 1928 году выступавшему с докладом о работе губкома на Песоченском волостном партийном собрании Матвееву был задан вопрос: «Можно ли построить в одной стране социализм» [4, ф. П-1, оп. 1, д. 1293, л. 156].

Таким образом, попытки сталинского руководства навязать населению идею о возможности построения социализма в отдельно взятой стране – СССР – имели массу противников, эта мысль с трудом приживалась в массах. Среди разных слоев населения СССР существовало устойчивое представление о том, что социализм в стране построить не удастся и причиной тому являлась неспособность социально-экономической и политической системы, возглавляемой новым классом – коммунистами, только декларирующими о высоких целях, но не желающими этого строительства.

Народные представления о социалистическом/коммунистическом будущем явно расходились с целями и задачами правящей партии.

---

1. *Сталин И. В.* Октябрьская революция и тактика русских коммунистов : предисловие к книге «На путях к Октябрю» // Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 358–401.

2. *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. М., 2000 // Электронная библиотека RoyLib.com: сайт [Электронный ресурс]. URL: [http://royallib.com/comment/geller\\_mihail/utopiya\\_u\\_vlasti.html](http://royallib.com/comment/geller_mihail/utopiya_u_vlasti.html) (дата обращения: 30.09.2016).

3. *Государственный архив Орловской области (ГАОО).*

4. *Государственный архив Брянской области (ГАБО).*

5. *Виноградов В. К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1, ч. 1 : (1922–1923 гг.). М., 2001. С. 358–401.

6. *Измозик В. С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995.

7. *Лившин А.* Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М., 2010.
8. *Булдаков В. П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.
9. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО).
10. *Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).*
11. *Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО).*
12. *Неизвестная Россия. XX век.* М., 1993. Т. 3.
13. *Даниелс Р. В.* Взлет и падение коммунизма в России. М., 2011.
14. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 4, ч. 2 : 1926 г. М., 2001.